

Мечта о лучшем

В этом году я в тридцать третий раз начинаю театральный сезон. Немало лет прожито, немало ролей сыграно. Каза-

лось бы, уже можно свободно и уверенно, без тревог и волнений плыть по привычной, так знакомой реке искусства, не замечая ее крутых изгибов и стремнин. Но нет. Без волнений, тревог, надежд, без мечты искусства нет. В нем нельзя жить равнодушно, и этот сезон я встречаю так же, как и юношеский — первый.

Вначале мы считаем за счастье сыграть маленькую роль в два-три слова, потом нас уже манит образ царя Федора Иоанновича или короля Лира. Эта жажда лучшего заставляет нас не только критически оценивать пройденное, мечтать о будущей своей работе, но и думать о судьбе того коллектива, с которым ты себя связал, о судьбе всего театра.

Я доволен началом нынешнего сезона в Киевском театре имени Леси Украинки. В первые же дни мы покажем зрителю чеховские «Три сестры»; роль Вершинина любима мною, близка мне по ряду причин.

Итак, я удовлетворен началом нового театрального сезона, но, когда я пытаюсь заглянуть дальше «Трех сестер», мной овладевает тревога. Мы еще не научились планировать свою деятельность вперед на много лет, хотя именно в этом в значительной мере кроется секрет совершенствования мастерства актера, развития всего театрального искусства.

Мне могут возразить: как, разве вы не знаете репертуар своего театра? Знаю. Знаю, что готовится «Гибель эскадры» А. Корнейчука, над текстом которой автор ведет сейчас дополнительную редакторскую работу. Знаю, что планируются «Мораль пани Дульской» польской писательницы Г. Запольской, «Олеко Дундич» М. Каца и А. Ржешевского, «Красная роза» украинского писателя Л. Смилянского. Но не известно, что буду делать в этих спектаклях. А ведь очень важно знать заранее, что будешь делать не только сегодня, но и завтра, чтобы в свободную минуту заглянуть вперед, готовить материал, находить и накапливать какие-то черточки будущего образа.

Жалобы на отсутствие хорошей роли в современной пьесе уже стали банальными. Но ведь не секрет, что каждый из нас мечтает о ней. Мечтаю и я сыграть роль деятельного и умного советского человека, коммуниста. Не того стандартного резонера, сыплющего прописными истинами, которого нам часто преподносят драматурги,

не «бодрячка», а человека с большим и любящим сердцем.

Я не драматург и не могу рисовать этот образ хорошо,

но видится он мне самым человечным из всех людей, которых знала мировая сцена. И я страстно хочу войти в его духовный мир и показать его таким, чтобы зритель был потрясен богатством его души.

Посылая упрек драматургам, не написавшим мне такую роль, я должен сказать, что мы, работники театра, также виновны во многом. Мы немало говорим о дружбе с драматургами, но практически заводим эту дружбу от случая к случаю. Прочного многолетнего контакта у нас нет, а он должен быть. Еще перед войной мы поставили пьесу украинского писателя В. Суходольского «Хвала жизни». Несколько лет назад он принес новую пьесу «Арсенал». Мы приняли ее, начали работать и вдруг отказались. Почему? На это никто не дал ясного ответа, потому что театр не имел четких представлений о том, чего он хочет. Такой же мимолетной оказалась и встреча с писателем Л. Дмитерко («Навски вместе») и с другими.

Происходит все это потому, что подлинное творчество у нас нередко подменяется чем-то не имеющим отношения к искусству. И не о его судьбе мы зачастую беспокоимся, а о соблюдении каких-то формальных требований и норм. Не будем скрывать: театр занимает артиста в иной пьесе лишь потому, что против его фамилии надо поставить «галочку» о выполненной работе. О творческой же работе артиста мы думаем мало.

В Театре имени Леси Украинки давно уже не имели настоящей актерской работы такие мастера сцены, как народный артист СССР М. Романов, народные артисты УССР Ю. Лавров, В. Халатов и многие другие. Заботясь о молодежи (к этому призывают все), мы как бы забыли о старшем поколении, которое, скажем прямо, начинает иногда «закисать» от безделья. Получается парадокс: десятки лет совершенствует свое мастерство актер, но так и не достигает вершины, с которой засверкал бы его талант.

Вот те мысли, которые рождает во мне начало нового театрального сезона. В них, как видите, и радость и тревога, а еще больше — надежда на то, что в этом сезоне мы, наконец, уберем с дороги нашего искусства все то, что к нему не относится.

Советская культура

1. IX. 55.